

Владислав Артёмов

**ПОЖАР В КОММУНАЛКЕ,
ИЛИ
ОБНАЖЁННАЯ НАТУРА**

Роман

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44
А86

Серия основана в 2024 году

Артёмов, В. В.

А86 Пожар в коммуналке, или Обнажённая натура : роман / Владислав Артёмов. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 260 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-672-1.

Остросюжетный роман Владислава Артёмова увлечет поклонников belle-trистики хитросплетением любовных линий, заставит поволноваться и любителей авантюрно-криминальных поворотов; а знатоки классических произведений, следя за взаимоотношениями Павла Родионова и старухи Клары Карловны Рой, вспомнят великие сюжеты русской литературы. В эпицентре действия, развивающегося в 1990-е, — старый московский дом, хранящий тайну, которая представляет большой интерес для теневого воротила Москвы. Населенный людьми очень разными, но роковым образом втянутыми в круговорот то страшной, то смешной интриги, дом на Язуе — это своего рода воплощение России 1990-х годов.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-672-1

© Артёмов В. В., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

...Сила любви велика и победоносна, но не до конца. В человеческом бытии есть некая область, где даже любви положен предел, где даже она не достигает полноты власти. Что же это такое? Свобода! ...Так любовь Христова надеется всех привлечь к себе и потому идет до последнего ада. Но даже на эту совершенную любовь и совершенную жертву кто-то может ответить отвержением даже в плане вечном и сказать: «А я не хочу!..»

Старец Силуан

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА

Было двенадцать часов дня.

Борис Кумбарович, скромный сотрудник московского журнала «Литература и жизнь», ехал на службу в самом приятном расположении духа. Дело было в том, что неделю назад появился-таки в апрельском номере его многострадальный материал под названием «Золото партии», где речь шла о сокровищах Патриаршей ризницы, бесследно исчезнувших вскоре после революции, в восемнадцатом году.

На всякий посторонний взгляд материал был так себе, очередная журналистская утка, основанная на домыслах и предположениях, но, вновь и вновь перечитывая его, Кумбарович всякий раз находил в нем бесспорные и несомненные достоинства.

Главный пункт, которым гордился Кумбарович, заключался в том, что он наконец публично поквитался с давним своим врагом и оппонентом, знатоком московских древностей Львом Голодным. Лев Голодный во всех своих работах утверждал, что исчезнувшие сокровища Патриаршей ризницы безвозвратно потеряны и давно уже находятся за пределами России. Кумбаровичу же удалось случайно раскопать кой-какие косвенные факты, говорящие совершенно об обратном.

Журнальчик со своей статьей Кумбарович вот уже целую неделю возил с собой и постоянно перечитывал в метро, стараясь держать его так, чтобы и сидящим рядом с ним людям было удобно разглядывать фотографию автора.

Сегодня в этом смысле день выдался не особенно удачным. Как ни подсовывал им статью Кумбарович, как ни соблазнял, попутчики его в раскрытый журнал так и не заглянули.

В вагоне, несмотря на полуденное время, была пропасть народу. Кумбарович оторвал взгляд от своей статьи и обнаружил над собою женщину со скорбным усталым лицом и с сумками в обеих руках. Он тотчас подхватился, уступая сиденье, с трудом втиснул свои упитанные бока в ряд стоящих пассажиров.

Плотный, крепко сбитый мужчина средних лет решительно пролез между ним и женщиной и с достоинством уселся на освободившееся место. Кумбарович почувствовал себя скверно и, испытывая глухое раздражение, стал критически сверху вниз разглядывать незнакомца. Тот производил самое неприятное впечатление. Чуть свернутый на сторону нос, очевидно, переломанный в пьяной драке, петлистые уши без мочек, стоящие как у рыси, темные очки, угрюмые складки, спускающиеся по бокам рта. Но еще неприятнее было то, что одежда незнакомца выдавала в нем чужака. Люди в такой одежде не ездят в метро, а ездят они в «мерседесах» на желтых кожаных сиденьях, поминутно откликаясь на звонки по мобильному телефону, приказывая и диктуя. Кумбарович, готовивший язвительную реплику о людской невоспитанности, решил все-таки благоразумно прикусить язык и стерпеть обиду.

Приближалась станция «Киевская», вагон зашевелился. Поезд остановился, и толпа подалась к дверям.

Через полминуты вагон с воем несся по тоннелю и был теперь почти пуст. Размышляя об этой странной выходке теории вероятностей, Кумбарович опустил на сидение рядом с незнакомцем и снова открыл журнал на заветной странице.

Обычный человек раздражается, когда обнаруживает вдруг, что чей-то посторонний глаз рыскает по странице книги, которую он читает. Кумбарович же, напротив, почувствовав, что взгляд незнакомца упал на его сочинение, незаметно повернул журнал, чтобы тому было поудобнее. Это заинтересованное читательское внимание отчасти гладило то первое неприятное впечатление, произведенное незнакомцем на Кумбаровича. «А он вовсе не так глуп, — подумал Кумбарович. — Отнюдь не глуп». Неожиданно незнакомец склонился к его уху и проскандировал громко, силясь перекрыть грохот поезда:

— Где можно приобрести этот журнал?

Кумбарович почувствовал себя польщенным.

— К сожалению, журнал элитарный и в свободной продаже его почти не бывает, — прокричал Кумбарович в ответ, постучал ногтем по своей фотографии и повернулся лицом так, чтобы собеседник мог его узнать.

— Продайте! — решительно предложил собеседник, сунул два пальца в нагрудный карман пиджака и протянул Кумбаровичу сложенную пополам зеленую купюру.

«Пятьдесят долларов!» — ужаснулся Кумбарович, машинально принимая предложенные деньги. Следовало бы по всем правилам хорошего тона вежливо отказаться, но беда заключалась в том, что Кумбарович был, во-первых, беден, а во-вторых, жаден. «А в-третьих, я его вижу в первый и последний раз!» — успокоил он себя.

— У меня нет сдачи, — промямлил Кумбарович, ощупывая новенькую банкноту на предмет подлинности и больше всего опасаясь в настоящий миг того, что сумасбродный миллионер вдруг опомнится и передумает.

— Не тревожьтесь об этом, — заявил незнакомец, взял с колен Кумбаровича журнал и, не взглянув на фотографию, перелистнул страницу, затем еще одну, определяя размер статьи. Глаза его хищно прищурились.

«Э-эх, черт подери! — мысленно выругался Кумбарович. — Вернет сейчас...»

— Ах ты, елы-палы! Чуть свою станцию не проехал, — находчиво выкрикнул Кумбарович, подхватил свой потрепанный портфель и выскочил в отворившуюся дверь вагона, унося в потной ладони неожиданную добычу.

ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Если бы Борис Кумбарович был повнимательнее и сообразил, какую ценность на самом деле представляет его небольшая статейка именно для Ильи Артамоновича Филимонова, он ни за что не стал бы так поспешно ретироваться с жалкими пятьюдесятью долларами,

а, пожалуй, задержался бы в вагоне и поторговался с незнакомцем, крепко поторговался. Запросто мог бы выручить долларов эдак двести-триста, а то и больше.

Впрочем, с другой стороны, если бы знал он, с каким страшным человеком свела его судьба, ни за что не вошел бы в этот вагон, а переждал бы два-три поезда, прежде чем продолжить свой путь. А то и вовсе поднялся бы наверх и поехал на троллейбусе, спрятав свой злополучный журнальчик в самом сокровенном отделении портфеля.

Вечером того же дня в неприметном особнячке, обнесенном глухим бетонным забором и расположенном в глубине Измайловского парка, произошло нечто вроде небольшой читательской конференции. Обсуждалась именно статья Бориса Кумбаровича «Золото партии». Нельзя было назвать это обсуждение бурным и оживленным, ибо присутствовало на нем всего только три человека.

Илья Филимонов, еще в метро бегло и жадно ознакомившись со статьей, войдя в рабочий кабинет, приказал охраннику никого к себе не впускать, сел за стол и стал перечитывать, теперь уже более внимательно и критически, кое-что отчеркивая карандашом и ставя на полях галочки и восклицательные знаки. Во время чтения несколько раз в одних и тех же местах удовлетворенно прищелкивал пальцами, потирал руки и качал головой. Затем встал и принялся в задумчивости расхаживать по кабинету. Снова вернулся к столу, склонился над раскрытым журналом и не совсем уверенно сказал вслух:

— Кажется, перспектива есть, — и добавил голосом твердым и решительным: — Да! Есть!

Усмехнулся, вспомнив, какими окольными путями привел его случай на эту встречу в метро. Надо же было судьбе так устроить, чтобы машина сломалась в двух шагах от входа в метро и он, подняв уже руку, чтобы остановить такси, вдруг отчего-то передумал и стал спускаться вниз вместе с обычным народом. Но ведь надо же было еще сесть в нужный вагон и именно в ту минуту, когда там находился этот баран со своей статьей!

Но и это ничего бы не значило, если бы буквально накануне телохранитель Клещ не рассказал ему в сауне историю, над которой в ту минуту Филимонов только добродушно посмеялся. Теперь же эта

история и журнальная статья сошлись вдруг, как две половинки магнита, разлом к разлому, и сцепились в единое целое.

— Есть перспектива, — Филимонов выглянул из кабинета, помянул к себе Клеца. — Вот что, — сказал он озабоченно, — тут дело намечается. Связанное с эмвэдэшными архивами. Ты вызвони-ка к вечеру по подполковника Гармазу. Часам эдак к шести.

— В шесть у нас с «чехами» стрелка, — напомнил Клец. — По поводу авторынка.

— С «чехами» отбой, — равнодушно сказал Филимонов. — Переinesi на другой день.

Тень удивления промелькнула на лице Клеца, он открыл было рот, чтобы возразить, но, взглянув на Филимонова, покорно кивнул головой и вышел из кабинета.

Ровно в шесть часов вечера в дверь осторожно и вежливо поскреблись, и вслед за тем в кабинет заглянула озабоченная красная рожа Гармазы:

— Можно, Илья Артамонович?

— А, Семеныч! — откликнулся Филимонов. — Входи, входи. Как всегда, точен по-военному.

— Честь имею, — весело отозвался коренастый, плотный Гармаза. — Милицейская, так сказать, привычка, Илья Артамонович. Протокол. «Прибыл-убыл, заступил-сдал».

— Молодец, — похвалил Филимонов. — Входи, не торчи в проходе.

— Что за срочные дела, Илья Артамонович? — продолжал Гармаза, задом протискиваясь в кабинет и затворяя за собою дверь. — Я уж в баньку собрался, веничек, можно сказать, распарил. А тут мне этот ваш тип звонит и, как всегда, толком ничего... Э-эк... — осекся он, заметив наконец сидящего в углу этого самого «типа».

Клец сидел в кабинете Филимонова, уйдя с плечами в мягкое глубокое кресло, и не мигая с ненавистью глядел на паясничавшего Гармазу. Был Клец худ и жилист, высушен вялотекущим туберкулезом да тюремным чифирем, лицом темен и неприветлив. Много хлебнул он обид от органов, а потому, хоть и понимал необходимость сотрудничества с ними на современном историческом этапе, все-таки скрыть

свои эмоции никак не мог. Тем же отвечал ему и Гармаза, а потому, войдя в кабинет и увидев там своего недруга, после этого больше ни разу на него не взглянул и обращался исключительно к Филимонову.

— Куда мне сесть, Илья Артамонович? — оглядываясь, спросил Гармаза.

— Под нарами твое место, — мрачно отозвался Клещ.

— Ты помолчал бы хотя бы в присутствии... — огрызнулся Гармаза. — Вы бы, Илья Артамонович, приказали ему помолчать.

— Сам молчи, Барсук! — вскинулся Клещ.

— Оставь, — приказал Филимонов, и Клещ, скрипнув зубами, отвалился к спинке кресла.

Гармаза, обиженно сопя, сел в такое же кресло у противоположной стены. Повисло короткое молчание.

— Друзья мои, — переводя взгляд с одного на другого, начал Филимонов. — Дело, ради которого я свел вас здесь, дело особого рода. Оно сильно отличается от наших обыденных дел и поначалу может вызвать с вашей стороны недоверие. Впрочем, мы не сразу приступим к обсуждению. Я хочу, Клещ, чтобы ты повторил нам свою ленинградскую историю. Про старуху, которую вы замучили с Тхорем.

— Я ж рассказывал уже, — проворчал Клещ.

— А ты повтори, — приказал Филимонов. — В общих чертах. Я хочу, чтобы и Семен Семенович внимательно послушал.

— Да история-то больно стремная, — вздохнул Клещ, которому страсть не хотелось унижать себя рассказом в присутствии Гармазы. — Ну вы же помните все, что тут лишние базары... Короче, поло-са у меня была. Мотался по чердакам и вокзалам, сдаваться уже хотел. Встал как-то утром, пошел в отделение. Возьмите, мол, сил моих нет. В тюрьму хочу!

— Грех уныния, — заметил Филимонов, усаживаясь за стол.

— Грех не грех, а пришел я в ментовку. Так и так, говорю, сдаюсь. Мусор дежурный глянул на меня. А я в телогрейке, с похмельюги, тот еще видок. Ты, говорит, посиди во двореике и заходи через два часа, когда рабочий день начнется. Ну вышел я на улицу, а у них там парикмахерская через дорогу, как раз напротив отделения, окна в окна. Свет такой уютный из парикмахерской. Походил я этак минут пять, а потом думаю: да что мне терять теперь? Все равно же сдаваться.

По мере повествования Клещ все более вдохновлялся. Забыл уже о присутствии Гармазы, речь его приобрела живые оттенки.

— Перешел я улицу, глянул в витрину. А там кресла эти, столики... И, братцы мои, одеколон на одном столике, тройной, почти полный флакон. Обернулся я на отделение, прикинул расстояние. Пока, думаю, добегут, успею выжрать. Поднял шкворень с земли и по витрине — дзынь!.. Кто из прохожих шел по улице, все врассыпную. Я, значит, сквозь витрину эту вхожу и прямо к пузырю. А ящик у столика выдвинут, там мелочь рассыпана. Много мелочи. Сгреб я ее, оглянулся — ментовка не реагирует. Сгреб в простынку машинки ихние, парфюмерию и с узелком этим обратно в витрину вышел. И пошел себе спокойным шагом и с чистой совестью...

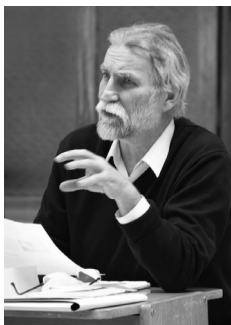
— Это питерские раздолбаи, — хмуроотреагировал Гармаза. — У нас бы живо его.

— Хорошо, Клещ, — сказал Филимонов. — Это все хорошо и живописно, но давай ближе к делу. Про старуху, которую вы безжалостно загубили.

— Да мы ее бережно пытали, кто ж мог подумать... Короче, на вокзале встретил я Тхоря. Выпили с ним культурно, побазарили. Он мне и рассказал про старуху. Муж ее, говорит, в блокаду продовольствием заведовал, снабженец. Неужели, говорит, не прилипло к рукам? Сам, мол, рассуди — мужа загребли после войны, в лагерях сгинул. Но ведь прикопал же где-то добришко. Тогда, в блокаду, за кусок хлеба люди бриллианты фамильные готовы были отдать. А все снабженцы — они ведь по жизни всегда барыги. И старуха эта что-то уж слишком нищая, всю жизнь в своей коммуналке на овсянке да на сухарях просидела. Очень, мол, подозрительная психология. Жадная и бережливая, стало быть, старуха. Короче, вышли мы на эту старуху. Из коммуналки этой все съехали как раз, одна она там оставалась. Удобно. Часа три мы ее пытали. Тхорь в основном, у него это профессионально было поставлено. Рожа у Тхоря подходящая, страшная рожа, царство ему небесное.

Клещ вздохнул, зажег сигарету и глубоко затянулся.

— М-да. Ничего, короче, старуха эта нам не выдавала. И проводом придушивали, и утюжком жгли, и ножницами портняжными перед носом щелкали. Кремень. «Не знаю ничего! Пенсия тридцать ру-

Артёмов Владислав Владимирович

Родился в Беларуси. Учился в Белорусском государственном университете на факультете журналистики. После третьего курса поступил в Литературный институт им. Горького. Работал редактором отдела поэзии в журнале «Литературная учеба», редактором отдела литературы в журнале «Москва», редактором в Военно-художественной студии писателей. С 2012 года — главный редактор журнала «Москва».

Выпустил четыре книги стихов: «Светлый всадник», «Странник», «Избранная лирика», «Дивный дом». Написал романы «Хромой змей, или Император Бубенцов» и «Пожар в коммуналке, или Обнаженная натура».

Член Союза писателей СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Роковая встреча	3
Оперативное совещание	5
Павел Родионов	12
Смерть старухи	18
Клара Карловна Рой	23
«Эдем-сервис»	26
Дубль два	35
Возвращение Родионова	41
«Бабилон»	44
«Убить старуху!»	54
Лисопес	59
Глупый дурак	62
Самодостаточная девушка	65
Крик жаворонка	69
Незванные гости	76
Ночные звонки	79
Надежда	86
Филин	89
Конец — делу венец	93
Адвокат	99
Фуфель	104
Симпатичный теленок	110
Эффект Тамерлана	114
Гонки с выбыванием	123
Заколдованная царевна	131
Логово	136
Темная хмырь	142
Новое чувство	147
Сестра Ирина	152
Последняя ночь	159
Обнаженная натура	167
Размышления в пивной	172
Белая жаба	175
«Князь Потемкин»	180

Слезы	183
Пентюхи	189
«Повесть моя окончена»	194
Сестра Филина	197
Мертвая царевна	200
Кралья в белом платье	204
Подстава	209
Погоня	217
Воспаление мозга	222
Пожар в коммуналке	226
Ранняя весна	235
Мистер Сорт	239
Концептуальная проза	244
Накануне	250
Крестный ход	252
<i>Об авторе</i>	256